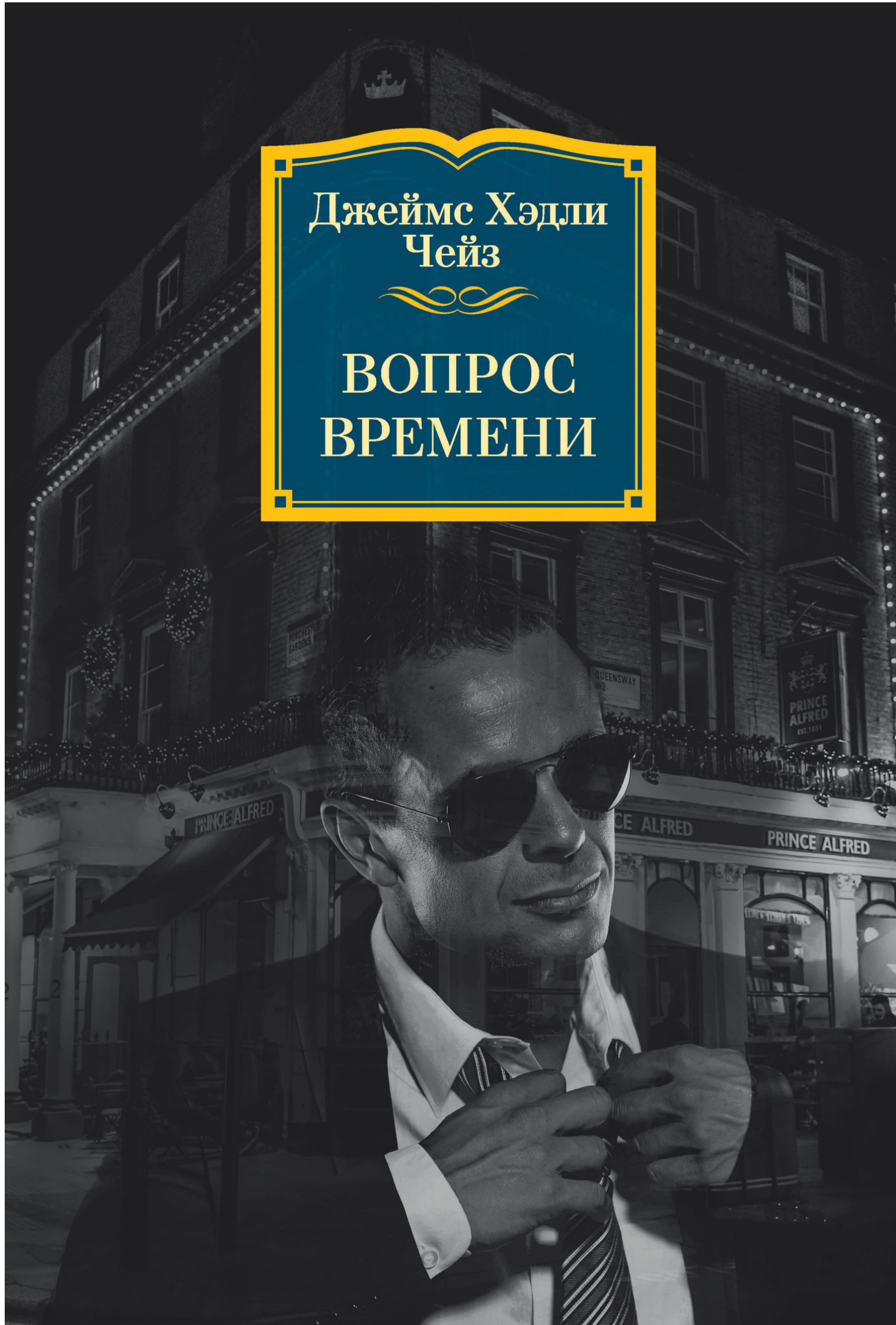

Джеймс Хэдли
Чейз

ВОПРОС
ВРЕМЕНИ

Иностранная литература. Классика детектива

Джеймс Чейз

Вопрос времени

«Азбука-Аттикус»

1972

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Вопрос времени / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1972 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-15823-8

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15823-8

© Чейз Д. Х., 1972
© Азбука-Аттикус, 1972

Содержание

1	6
2	18
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джеймс Хедли Чейз

Вопрос времени

James Hadley Chase

JUST A MATTER OF TIME

Copyright © Hervey Raymond, 1972

All rights reserved

© В. А. Вебер, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

1

Вошел Бэйли, и Паттерсон оторвался от котировочного перечня акций.

– Что теперь, Джо? – недовольно спросил он. – Неужели еще одна претендентка?

– Именно так, мистер Паттерсон... еще одна. – Бэйли подмигнул, а его толстая физиономия исказилась похотливой ухмылкой. – Вы не пожалеете, если примете ее.

И он чуть присвистнул, как бы предвкушая удовольствие, ожидающее его босса.

Паттерсон откинулся на спинку кожаного кресла. Высокий, атлетически сложенный, лет тридцати с небольшим, с привлекательной внешностью. Многочисленные подружки Паттерсона говорили, что он похож на Дэвида Найвена, голливудскую кинозвезду, естественно, молодого Дэвида Найвена. Он с ними соглашался, и его так и подмывало отрастить себе тоненькую полоску усов, хотя они давно вышли из моды.

– И чего ты подмигнул мне, Джо? – В голосе Паттерсона слышалась враждебность.

– Подмигнул, сэр? Ну что вы... наверное, что-то попало мне в глаз, – залезил Бэйли, тут же вспомнив, что свое обаяние Паттерсон рассыпал лишь на клиентов банка, подчиненным же оставались только нагоняи. – Мисс Шейла Олдхилл ждет, сэр.

Паттерсон задумался. Он обещал Берни Коэну просмотреть пакет его акций и посоветовать, какие следует прикупить, а какие – продать, но стремление побыстрее найти для миссис Морели-Джонсон компаньонку взяло верх. В конце концов, подумал он, таких, как Берни Коэн, у него дюжина, а миссис Морели-Джонсон – одна.

– Я приму ее. – Он отодвинул бумаги в сторону. И добавил, прежде чем Бэйли закрыл за собой дверь: – И выньте соринку из глаза, чтобы клиенты не подумали, что вы ведете себя слишком фривольно.

– Обязательно, сэр, – почтительно ответил Бэйли, подумав про себя: каков мерзавец.

Паттерсон положил перед собой другую папку, раскрыл ее, просмотрел записи на листке. Утром он переговорил с пятью пожилыми женщинами. Четыре из них ему не понравились, пятая, миссис Мадж Флеминг, произвела наилучшее впечатление. Пятидесяти трех лет, полненькая, веселая, с приятным голосом. Она представила безупречные рекомендательные письма: последние пятнадцать лет прослужила компаньонкой у богатой вдовы, которая недавно умерла. И теперь миссис Флеминг искала аналогичную работу.

Паттерсон, которому уже наскучили эти беседы, собрался было нанять ее, при условии, разумеется, что миссис Морели-Джонсон одобрит его выбор, но решил все-таки повременить с окончательным решением в надежде, что появятся новые претендентки. И пообещал миссис Флеминг, что свяжется с ней в самое ближайшее время.

Когда мисс Олдхилл вошла в кабинет, Паттерсон посмотрел на нее, чуть склонив голову набок, приподняв левую бровь и прижав указательный палец правой руки к ямочке на подбородке. Эту позу он не раз репетировал перед зеркалом в ванной и полагал, что именно так должен выглядеть в глазах посетителя преуспевающий, уверенный в себе, имеющий прекрасные перспективы банковский служащий.

Бэйли закрыл за женщиной дверь, она двинулась к столу Паттерсона, а у того по коже побежали мурашки. И он встал, мгновенно осознав, что означали похотливая ухмылка и подмигивание Бэйли.

– Мисс Олдхилл? – Паттерсон указал на стул. – Пожалуйста, садитесь.

Он наблюдал, как она подошла к стулу, села. Движения неторопливые, грациозные, спокойные. Высокий рост, прямые плечи, иссиня-черные волосы. Не красавица, но лицо запоминающееся, греческий нос, большие, с поволокой, голубые глаза, крупный рот с четким рисунком губ. Но не лицо и не фигура заставили его сердце учащенно биться. Женщина излучала мягкую чувственность, как стоваттная лампочка под шелковым абажуром. Он видел это не

хуже Бэйли. Мисс Олдхилл, однако, спокойно смотрела на него, словно и не знала, какое впечатление производит на мужчин. И этим еще более заинтриговала Паттерсона.

Усаживаясь за стол, он уже понял, что ей не больше тридцати – тридцати двух лет. Одежда недорогая, но сшита по моде, юбка на дюйм выше колен. С того места, где сидел Паттерсон, ног женщины он не видел, но мог предположить, что оторвать от них взгляд будет сложно.

Тут до него дошло, что пауза слишком затянулась, и он поспешил перейти к делу:

– Вы пришли по нашему объявлению? – Паттерсон взял в руку золотой карандаш, подарок миссис Морели-Джонсон к прошлому Рождеству, и пододвинул к себе блокнот.

– Да.

Паттерсон чуть наклонился вперед, и в поле его зрения попали колени женщины, прижатые друг к другу, а также ее руки, покоящиеся на черной кожаной сумочке. Взгляд его задержался на этих руках – длинные пальцы, тонкие запястья. Сексуальные руки, подумал он и представил, как они ласкают его. От этой мысли он едва не потерял нить разговора.

– Наверное, вы прочли его не очень внимательно, – улыбнулся Паттерсон. Улыбкой своей он гордился, зная, что она неизменно располагала к нему клиентов. – Мы ищем пожилую женщину, мисс Олдхилл... и едва ли вас можно назвать таковой.

Она посмотрела на него, голубые глаза ее не выражали никаких чувств.

– Не думала, что в наши дни пожилой возраст должен давать преимущество в поиске работы, – ответила она ровным голосом. – Но раз уж вы действительно ищете пожилую женщину, не буду отнимать ваше время.

Их взгляды встретились, и Паттерсон отметил, что она и не думала подниматься. Потрясающая женщина. А какой она будет в постели! И тут же он уставился в блокнот, опасаясь, что она может прочитать по глазам его мысли.

– Возможно, вы и правы. – Паттерсон начал рисовать на чистом листе кружочки и соединять их стрелочками. – Ничего не могу сказать по этому поводу. – Он уже овладел собой, вновь посмотрел на женщину и улыбнулся. – Моя клиентка привыкла к пожилым компаньонкам. Последняя прожила у нее пятнадцать лет и внезапно заболела, поэтому и потребовалась срочная замена. – Он помолчал, еще раз пробежавшись глазами по фигуре мисс Олдхилл. – Я даже не знаю, что она скажет о более молодой женщине, такой как вы.

Шейла Олдхилл продолжала сидеть неподвижно, не сводя с него голубых глаз, и ему снова пришлось отвести взгляд. Так как она молчала, Паттерсону пришлось продолжить:

– Хотя это неплохая идея. Она, может, и порадует, если рядом будет находиться молодая женщина... А что, действительно неплохая идея.

Новая пауза. И тот же неподвижный взгляд.

Исчеркав весь лист, Паттерсон отложил карандаш.

– Вы прочли наше объявление. – Он откинулся на спинку кресла, заставил себя расслабиться. – Нам нужна компетентная женщина, способная выполнять обязанности компаньонки при одной из наших клиенток. Вам может показаться странным, что банк занимается столь необычным для себя делом. Но это наша особо уважаемая клиентка, и я выполняю все ее желания.

Шейла кивнула.

– Почему вы решили, что подходите для такой работы? – спросил Паттерсон, пытаясь заставить ее заговорить.

– Если вы обрисуете круг моих будущих обязанностей, я смогу дать вам внятный ответ.

Голос ее ласкал, словно нежное прикосновение руки, и Паттерсон, чтобы скрыть смущение, вновь схватился за карандаш.

– Моей клиентке семьдесят восемь лет, и она горда тем, что дожила до такого возраста в полном здравии. Она очень богата и живет в пентхаусе лучшего здешнего отеля. Из-за ката-

ракты обоих глаз она наполовину слепа. Операций она боится панически и отказывается исправить зрение. Ей нужна женщина, которая будет жить с ней и исполнять все ее прихоти. Отвечать на письма, читать газеты, помогать одеваться, ходить с ней в магазин и так далее. С ней легко ладить, она добрая, отзывчивая, не выносит склок и скандалов. Прибираются в апартаментах горничные отеля. У нее есть шофер. Она дееспособна, если не считать почти полной слепоты.

– Тогда, думаю, я окажусь полезной, – без промедления ответила Шейла. – Я профессиональная медицинская сестра. Четыре года проработала в больнице Фонда Пендика в Нью-Йорке. А до того ассистировала доктору Гордону Фосдику, одному из ведущих хирургов Вашингтона, и была его секретарем. Я умею стенографировать и печатать. Вожу машину. Говорю по-французски и играю на музыкальных инструментах.

Паттерсон все записал.

– Звучит неплохо. Не то чтобы миссис Морели-Джонсон нуждалась в медицинском уходе, но в таком возрасте всякое случается. – Он взгляделся в Шейлу. – Но, мисс Олдхилл, будучи профессиональной медсестрой, вы можете найти что-нибудь более интересное, чем место компаньонки старой дамы?

На мгновение она опустила глаза на кожаную сумочку, затем вновь посмотрела на Паттерсона:

– Наверное, могла бы, но я очень устала. Особенно за четыре последних года. Мне нравится этот город. Возможно, вы даже не представляете себе, мистер Паттерсон, сколь утомительна работа в больнице. – (Значит, она знает его фамилию, с удовлетворением отметил Паттерсон.) – Я хочу найти что-нибудь полегче. Видите ли, я играла на скрипке. И потянула мышцу на правой руке, смычковой. Врачи сказали, что все придет в норму, если ограничить нагрузку на руку. Тогда я снова буду играть.

Паттерсон изогнул бровь:

– Вы скрипачка?

– Была. Играла я не так хорошо, чтобы стать профессиональным музыкантом, и подалась в медицину. Но скрипка – моя любовь с детства. Мой отец играл первую скрипку в Нью-Йоркском филармоническом оркестре. В нашей семье музыка занимала самое почетное место.

Паттерсон шумно выдохнул:

– Музыка для вас большой плюс, мисс Олдхилл. До того как выйти замуж, миссис Морели-Джонсон звали Алис Лессон, она была известной пианисткой, гастролировавшей по всей стране. Вы, должно быть, слышали о ней.

Шейла Олдхилл кивнула:

– Разумеется. Она играла не хуже Майры Хесс. Однажды она выступала с моим отцом.

– Какое совпадение. Вы понимаете, из-за почти полной слепоты круг ее занятий ограничен, и она много играет на рояле. Это ее способ скоротать время. Возможно, ей понравится, что ее компаньонка тоже музыкант. – Он посмотрел в спокойное лицо Шейлы. – Вы сказали, она играла с вашим отцом?

– Двадцать пять лет назад. «Императора» Бетховена. То был первый концерт, когда я увидела отца на сцене.

– Как звали вашего отца?

– Генри Олдхилл.

– Он жив? Миссис Морели-Джонсон обязательно спросит об этом.

– Он умер три года назад.

– Вы здесь давно, мисс Олдхилл?

– Приехала два дня назад. Собиралась в Лос-Анджелес, но ваш городок мне понравился, и я решила провести тут несколько дней. Остановилась в отеле «Франклин», увидела ваше объявление. И подумала... – Она вдруг замолчала.

Паттерсон знал отель. Тихий, относительно дешевый. Сам он, конечно, в таком не остановился бы, поскольку привык к более высокому уровню.

– Все это очень интересно. Я хотел бы взглянуть на ваши рекомендации. Вы, разумеется, понимаете, это большая ответственность – найти для миссис Морели-Джонсон подходящую кандидатуру. Я не знаю вас, вы – меня. – Паттерсон одарил Шейлу теплой улыбкой. – У вас есть рекомендательное письмо... – Он сверился со своими записями. – ...От доктора Фосдика?

Она не мигая смотрела на него. Голубые глаза раскрылись чуть шире, Паттерсона словно обдало жаром.

– Нет, но у меня есть рекомендация от больницы Фонда Пендика.

Она раскрыла сумочку, достала конверт и положила на стол.

Паттерсон прочитал рекомендательное письмо. Под ним стояла подпись одного из директоров больницы. Как следовало из текста, мисс Шейла Олдхилл, профессиональная медицинская сестра, проработала в больнице четыре года, отличаясь трудолюбием, честностью и добрым отношением к пациентам. Стандартная рекомендация.

– Могу я позвонить доктору Фосдику, раз у вас нет его рекомендательного письма? – спросил Паттерсон.

– Доктор Фосдик не даст мне рекомендации, – прямо ответила Шейла.

Паттерсон приподнял левую бровь:

– Не даст? Почему?

– Я не могу ждать от него беспристрастности. – Она помялась. – Он хотел, чтобы наши отношения не ограничивались только работой... Это была неприятная сцена, и мне пришлось уйти от него.

Паттерсон перевернул лист блокнота и вновь начал рисовать кружочки и черточки. Он мог представить себе, что произошло. Доктор, вкалывающий без роздыха, а рядом час за часом, день за днем такая сексуальная женщина. Да он сам, пожалуй, предложил бы ей немного поразвлекаться. Какой мужчина в здравом уме поступил бы иначе? А она вот взяла и поменяла работу. Хотя он не видел доктора Фосдика. Вполне возможно, что это толстый, уродливый старик.

– Я понимаю.

В голосе его звучало сомнение. Действительно, на нем лежала большая ответственность. Он не имел права на ошибку. И все же хотел, чтобы именно эта женщина стала компаньонкой миссис Морели-Джонсон. Хотел снова видеть ее. По меньшей мере три раза в неделю он навещал пожилую леди, то есть трижды в неделю он мог бы встречаться с Шейлой. Чувственность этой женщины, спокойно сидевшей перед ним, сводила его с ума. Она отличалась от всех других, кого он знал, любил и забыл, как выдержанное вино отличается от кока-колы.

Женщины играли важную роль в жизни Паттерсона. Заместитель управляющего банком, он жил в маленьком, обожающем сплетни городке, и ему приходилось проявлять предельную осмотрительность. Женщин он предпочитал находить в соседних городках, милях в пятнадцати от своего, и останавливал выбор только на замужних. То есть тех, кто не афиширует свои связи. Размышляя, он совершенно забыл о Шейле Олдхилл и очнулся, лишь когда она что-то сказала.

– Извините... Задумался... Вы что-то говорили?

– Может, вы считаете, что я не подхожу для этой работы? – повторила Шейла.

Они посмотрели друг на друга.

– Я думаю, подходите, но не знаю, как отреагирует миссис Морели-Джонсон, когда я скажу ей, что вы так молоды. Сколько вам лет, позвольте спросить?

– Тридцать два.

– Вы не будете возражать, если я скажу ей, что вам тридцать восемь? – Он улыбнулся. – Такие мелочи иногда имеют решающее значение. Тем более что со зрением у нее не очень.

– Я не возражаю.

Ему хотелось бы увидеть ее улыбку. Но Шейла оставалась серьезной.

– Вот что я сделаю. Сегодня мне все равно нужно к ней поехать. Я расскажу, кто вы и откуда. Если она заинтересуется, мы договоримся, что завтра вы заглянете к ней. Что вы на это скажете?

Крохотная искорка сверкнула в голубых глазах, и губы Шейлы чуть изогнулись, как решил Паттерсон, в подобии улыбки.

– Благодарю вас, мистер Паттерсон.

Она встала.

Он посмотрел на ее высокую ладную фигуру, и его вновь охватило как огнем.

– Надеюсь, мне удастся это устроить. Во всяком случае, я попробую. – Он тоже поднялся. – Вы не спросили о жалованье.

Шейла уже направилась к двери.

– Я уверена, что оно будет приличным. И не хочу знать точную цифру, пока не буду уверена, что работа – моя. – Она взялась за ручку двери. – Чтобы потом не разочаровываться.

Паттерсон обошел стол и двинулся к ней.

– Я незамедлительно сообщу вам о решении миссис Морели-Джонсон. Вы будете в отеле, скажем, часиков в семь?

– Да, наверно.

– Я проезжаю мимо вашего отеля по дороге домой... Если я загляну к вам?

– Я не хотела бы видеть вас без хороших новостей.

– Я заеду... с любыми новостями. Надеюсь, с добрыми.

Шейла ответила долгим взглядом, кивнула, повернулась, открыла дверь и вышла из кабинета.

Паттерсон закрыл дверь. Постоял, глядя на зеленую ковровую дорожку, прижав указательный палец к ямочке на подбородке, затем вернулся к столу, сел и пододвинул к себе бумаги Берни Коэна.

Он смотрел на длинный перечень акций различных компаний и их сегодняшних котировок, а видел голубые, с поволокой глаза и красивые губы миссис Олдхилл. Посидел полчаса, ничего не делая, думая только о ней, потом заметил, сколько уже времени, убрал лист с перечнем акций в ящик стола, встал и покинул банк. Путь его лежал в отель «Плаза-Бич».

Начало Приморского бульвара поражало роскошью, но чем дальше, тем дома становились меньше, беднее, пока не превращались в лачуги. Вдоль берега бульвар протянулся на две мили. Открывал его отель «Плаза-Бич», с собственным пляжем, серебристый песок которого расцвечивали яркие зонты, баром, рестораном, антикварными и ювелирными магазинчиками. Далее возвышался отель «Эмбассадор», уже без отдельного пляжа и с облупившимся фасадом, потом шли магазины для туристов. В миле от «Плаза-Бич» находился «Франклин», недорогой отель для семейного отдыха, знававший лучшие времена, но еще достаточно комфортабельный. За ним начинался порт, домики рыбаков, бары, рыбные рестораны и, наконец, многоквартирные дома, в которых селился рабочий люд.

Джеральд Хэммет сидел на балконе, огибающем весь фасад отеля «Франклин», и без всякого интереса наблюдал за рыбацкими лодками и другими суденышками, снующими по акватории порта. Время от времени он нетерпеливо поглядывал на дешевые наручные часы.

Двадцати шести лет от роду, худощавый, со светлыми волосами, падающими на воротник его рубашки в красную и белую полоску, выделялся он разве что аккуратными, любовно выстриженными треугольными бакенбардами, достигавшими уголков рта, где они переходили в густые усы. Маленькие глазки стального цвета, беспокойные. Тонкогубый рот, короткий нос. С первого взгляда чувствовалось, что жизнью он недоволен, чего-то ищет, правда не знает чего, в себе не уверен, но в то же время не выносит ни критики, ни возражений.

С потрепанным чемоданом в руке он прибыл в отель прошлым вечером. Шейла Олдхилл сидела в холле, но даже не взглянула на него. Когда он проходил мимо, Шейла пальцем нарисовала на открытой странице книги, которую вроде бы читала, цифру 3, давая понять тем самым, что поселилась на третьем этаже. Половина номеров отелей пустовала, поэтому и он без труда получил комнату неподалеку от нее. Заплатил за неделю вперед, предупредив, что может остаться и на более долгий срок. Портье заверил его, что они рады такому постояльцу, и лично проводил Хэммета в номер.

Шейла и Хэммет заранее договорились, что вместе им не стоит показываться на людях. И после полуночи, когда все, за исключением позевывающего ночного портье в холле отеля, заснуло, Хэммет выскользнул из своего номера и, перебежав коридор, юркнул в дверь комнаты Шейлы. Они уселись на кровать, говорили шепотом. Хэммет хотел бы остаться подольше, но Шейла не разрешила и отправила его спать одного, в прескверном настроении. Остаток ночи он провел, ворочаясь в постели, обдумывая ее план, кляня себя за то, что согласился участвовать в нем. Но он не хотел, не мог расстаться с ней и понимал, что другого выхода у него просто не было.

Из отеля Шейла ушла до того, как Хэммет спустился позавтракать, и первую половину дня он посвятил осмотру достопримечательностей. Городок ему понравился, но быстро наскучил. Денег у него было негусто, да и когда ему их хватало, и он злился, что не может пойти в коктейль-холл «Плаза-Бич» и должен пить коку в занюханном баре среди потных громогласных рыбаков.

На ланч Хэммет вернулся во «Франклин», а потом битых два часа сидел на балконе. Шейла обещала прийти к четырем. Уже двадцать минут пятого, а от нее ни слуху ни духу.

Он достал из кармана тоненькую пачку банкнот и пересчитал всю свою наличность. Пятьдесят пять долларов, и у Шейлы не больше. Если дело не выгорит, думал он, им придется смаковать, да поживее. Со здешними ценами сотни долларов хватит ненадолго.

Наконец он увидел Шейлу, которая шла по широкой дорожке, и сердце его учащенно забилося. По выражению ее лица он не мог судить, удался ли поход в банк. Выглядела Шейла, как обычно, спокойной, даже отстраненной, чем и раньше частенько приводила его в ярость. Даже сердясь, внешне она ничем не выдавала своих чувств, лишь менялся тон ее голоса да в голубых глазах поблескивали молнии.

Не торопясь она поднялась по ступенькам, ведущим к вестибюлю, и, не взглянув на Хэммета, вошла в отель. Хэммет едва не сорвался с места и не бросился за ней, но все-таки совладал с нетерпением и остался на балконе. Не женщина, а айсберг, подумал он. Ничего-то ее не трогает. Должна ведь понимать, чего стоили ему часы ожидания. Неужели не могла хоть как-то намекнуть, что сходила не зря.

Он оглянулся и через запыленное стекло увидел Шейлу, стоящую у стойки регистрации. Старик-негр, портье, дал ей ключ от номера. Вновь Хэммет не позволил себе подняться. Выудил из пачки сигарету, дрожащими руками зажег спичку, закурил.

Он просидел в кресле еще пять долгих, мучительных минут и лишь потом встал, прошел в вестибюль.

Четверо или пятеро старичков расположились в бамбуковых креслах, о чем-то переговариваясь. С его появлением они замолчали.

Старые сплетники, думал он, пересекая вестибюль. Всем вам давно пора в гроб.

– Комната тридцать два, – сказал он портье.

– Да, сэр. Комната тридцать два, сэр.

Морщинистая черная рука сняла с гвоздика нужный ключ.

– Не собираетесь пообедать у нас сегодня, сэр? – Старик-негр лучезарно улыбнулся. – Хороший обед. Я видел. Суп, отличная жареная рыба, мороженое.

Чувствовалось, что он сам не отказался бы от такого обеда.

Хэммета аж передернуло. Как будто он мог выбирать. В стоимость номера входили завтрак, обед и ужин, а на обед в другом, более приличном заведении денег у него не было.

– Пообедаю, – пробурчал он, взял ключ и направился к лифту.

Поднялся на третий этаж, прошел по коридору, остановился у своего номера, посмотрел направо, налево, а затем шагнул к комнате Шейлы. Повернул ручку, дверь подалась, и он проскользнул в номер, мягко затворив ее за собой.

Шейла, в просвечивающем платье из хлопчатобумажной ткани стояла у открытого окна. В падающем из окна свете он видел ее длинные стройные ноги, плавный изгиб бедер. Точеная фигура Шейлы всегда возбуждала его, но сейчас в голове Хэммета роились другие мысли.

Шейла оглянулась, заметила его взгляд, отошла к креслу и села.

– Я просила тебя не заходить ко мне раньше полуночи. – Ее спокойный голос сводил его с ума. – Почему ты никогда не делаешь того, о чем тебя просят?

Хэммет плюхнулся на кровать, второго кресла в комнате не было.

– Все нормально. На этаже ни души. Как дела?

– Надо подождать. По меньшей мере я знаю, что он на моей стороне.

Хэммет нахмурился:

– То есть Джек оказался прав? Он его раскусил?

– Думаю, да.

Тон ее не понравился Хэммету. Он пристально взглянул на Шейлу:

– Что тебя гложет? Почему ты такая подавленная?

– Неужели?

– Как будто сама не знаешь? Что случилось?

Она глянула на Хэммета:

– Пока ничего. Но все может провалиться. Им нужна пожилая женщина. Он сказал, что попытается убедить старуху, но это не значит, что попытка его удастся.

Хэммет пробежался пальцами по грязным волосам.

– Убедит, будь уверена. Джек говорит, что старуха имеет виды на этого подонка. Как он скажет, так и будет.

– Ей же семьдесят восемь лет!

Хэммет ухмыльнулся:

– И что? Я помню свою тетушку. Как она поглядывала на таких, как этот подонок... обходительных, сексуальных, симпатичных. И ни в чем не могла им отказать. Если Джек говорит, что она имеет виды на Паттерсона, значит так оно и есть. Она сделает все, что скажет ей Паттерсон.

Шейла откинулась на спинку кресла.

– Ну почему ты так глуп? – Она положила ногу на ногу, поправила подол платья. – Он часто видится с ней. Такая женщина привыкла быть в центре внимания. Возможно, ей не захочется, чтобы молодая компаньонка отвлекала Паттерсона. Теперь ты понимаешь, почему я сомневаюсь в успехе?

Хэммет принялся грызть ноготь большого пальца.

– Я же говорил тебе... Мне это не нравится. Давай уедем из этого вонючего городишка. Махнем в Лос-Анджелес.

– Паттерсон решил сказать ей, что мне тридцать восемь, – продолжила Шейла, словно и не услышав предложения Хэммета. – Он чувствует опасность, хочет подстраховаться, но может стать, что тридцать восемь – тоже мало. И она поставит на всем крест.

– И что? Пусть поставит. Я...

– Успокойся, Джерри.

– К черту! Уедем отсюда!

Шейла посмотрела на часы:

– Паттерсон приедет сюда после того, как переговорит с ней. Я хочу принять душ. Думаю, он пригласит меня на обед. Обещал заехать, с хорошими новостями или с плохими. Иди, Джерри. Мне надо переодеться.

Он сердито посмотрел на Шейлу, встал, направился к двери. На пороге остановился, повернулся.

– Иной раз мне кажется, что надо быть круглым идиотом, чтобы связаться с тобой, – прорычал он. – Ну почему ты такая ледышка? Словно чертова Мона Лиза?

– Пожалуйста, уходи, Джерри. У меня нет времени.

И, коротко взглянув на него, Шейла скрылась в ванной.

Остановив красный двухместный «уайлд кэт»¹ у отеля «Франклин», Паттерсон увидел сидящую на веранде Шейлу Олдхилл и помахал ей рукой. Она встала и направилась к ступеням, а Паттерсон вылез из машины, обошел ее и открыл вторую дверцу. До восьми вечера оставалось лишь несколько минут, и все постояльцы, включая Хэммета, находились в столовой.

Шейла ступила на тротуар, и Паттерсон пробежался по ней взглядом. Простенькое белое платье с блестящим пояском на тонкой талии. Белая пластиковая сумочка. Великолепное зрелище.

– Привет. – Он тепло улыбнулся. – Нам есть о чем поговорить. Как насчет того, чтобы пообедать со мной? Я умираю от голода и... повторяюсь, нам есть о чем поговорить.

Голубые глаза раскрылись чуть шире. Шейла вроде бы заколебалась, затем кивнула:

– Благодарю. Давайте пообедаем.

– Тогда прыгайте в машину. Вам нравятся моллюски, крабы?

– Мне нравится все.

Она села, следя за тем, чтобы юбка не задралась слишком высоко. Так что Паттерсон увидел только ее колени.

Он захлопнул дверцу, вновь обошел машину, скользнул за руль. Шейла отметила, что он, похоже, побывал дома, ибо побрился, надел темный костюм и чистую рубашку. Пахло от него лосьоном после бритья.

– Думаю, все будет нормально. – Паттерсон вывел машину в транспортный поток. – Кое-что еще надо обговорить, но пока я смотрю в будущее с оптимизмом. Далее многое будет зависеть только от вас.

– Понятно. – Шейла уселась поудобнее. – Я доставила вам столько хлопот, мистер Паттерсон.

– О, пустяки. Я сторона заинтересованная. – Он рассмеялся. – Мне приходится часто бывать у миссис Морели-Джонсон. Некоторые вопросы я обсуждал с ее прежней компаньонкой. Особой радости мне это не доставляло, потому что она невзлюбила меня. – Снова смех. – А мы с вами, я думаю, поладим.

– Да.

Паттерсон искоса взглянул на нее. Шейла смотрела прямо перед собой, на красные огни машин, идущих впереди. Какая шея! Он представил себе, как обнимает Шейлу, прижимается губами к бархатистой коже. По собственному опыту он знал, что поцелуи в шею особенно возбуждают женщин.

Он сбросил скорость и свернул с бульвара.

– Мы уже приехали. Мой любимый ресторан. Тут не только хорошо кормят, но и швейцар присматривает за машинами.

Он остановился у подъезда под сине-желтым навесом. Швейцар, также в сине-желтой униформе, открыл Шейле дверцу, приподнял фуражку.

¹ «Уайлд кэт» («дикий кот») – спортивная модель автомобиля.

– Добрый вечер, мистер Паттерсон. Добрый вечер, мисс.

– Привет, Фред. Тебя не затруднит отогнать ее? – Паттерсон обошел машину, подал руку Шейле и повел ее в ресторан. Перед ними был короткий коридорчик, а за ним виднелся переполненный зал, но Паттерсон направился к узкой лестнице. – Нам сюда. На второй этаж.

На площадке их поджидал улыбающийся метрдотель со стопкой меню в кожаных корочках.

– Добрый вечер, мистер Паттерсон... мадам. – Шейла всем телом почувствовала его острый взгляд, улыбка его стала шире, – похоже, он одобрил выбор Паттерсона. – Сюда, пожалуйста.

Он открыл дверь и ввел их в маленький кабинет, где стол был сервирован на двоих. Золоченые, обитые красным плюшем кресла, стены, затянутые той же тканью, канапе под зашторенным окном.

– Два крюшона, Генри, – заказал Паттерсон. – Прямо сейчас.

– Разумеется, мистер Паттерсон, – кивнул метрдотель и вышел из кабинета.

Шейла осмотрелась, взгляд ее задержался на широком канапе, обратила она внимание и на латунную задвижку на двери.

– Я не знала, что такие места еще существуют.

Паттерсон отодвинул от стола одно из кресел.

– Таких мест немного. Я иногда бываю здесь... провожу деловые встречи. – Он улыбнулся. – Производит впечатление на клиента, и банк платит.

Шейла села, посмотрела ему в глаза:

– Банк платит и сегодня?

Паттерсон рассмеялся, садясь напротив нее.

– Нет... Сегодня я не работаю, а отдыхаю. Вы любите устрицы?

– Да... очень.

Метрдотель вернулся, следом вошел официант с двумя бокалами на подносе.

Паттерсон быстро просмотрел меню и, не советуясь с Шейлой, заказал две порции устриц по девять штук и рыбный пирог.

– Вино, как обычно, белое, мистер Паттерсон? – спросил метрдотель.

Паттерсон кивнул.

– Рыбный пирог, возможно, звучит неаппетитно, но тут он очень вкусный, – объяснил он, когда они вновь остались вдвоем. – Это их фирменное блюдо. Мясо омаров, мидии, креветки в винном соусе, запеченные в тесте. Подают его с артишоками. Думаю, вам понравится.

– У меня уже текут слюнки.

Паттерсон поднял бокал:

– За ваш успех.

Чокаться Шейла не стала, но пристально посмотрела на него.

– Мистер Паттерсон, вы всегда так отбираете компаньонку?

Паттерсон приподнял левую бровь, улыбнулся.

– Меня впервые попросили найти компаньонку, – ответил он. – Так что в этом деле я новичок. Но ответ, я думаю, таков: все зависит от компаньонки.

Шейла отпила из бокала, поставила его на стол.

– Вы думаете, у меня есть шанс?

– Да... неплохой шанс. – Он глотнул крюшона, затем продолжил: – Но, имея дело со стариками, ни в чем нельзя быть уверенным. Настроение у них переменчивое. Сегодня я попал в удачный момент, а что будет завтра, известно лишь Господу Богу...

Принесли устрицы. Пока официант сутился с лимоном, соусом, хлебом, они молчали.

– Беда в том, мисс Олдхилл, – вновь заговорил Паттерсон после ухода официанта, – что ваш возраст все-таки смущает миссис Морели-Джонсон... Я предупреждал вас об этом.

– Я помню.

Паттерсон вилочкой подцепил устрицу и отправил ее в рот.

– Но эту преграду мы преодолеем, если вы будете во всем содействовать мне.

Прежде чем ответить, Шейла съела устрицу.

– В чем именно?

Паттерсон наклонился вперед, широко улыбнулся:

– Кто-нибудь говорил вам, как вы красивы?

Какое-то время она смотрела на пустую раковину устрицы, затем подняла на него взгляд.

– Да... в том числе и доктор Фосдик.

Паттерсон взялся за другую устрицу.

– Действительно... я забыл про доктора Фосдика... Так вот, миссис Морели-Джонсон наполовину слепа, но что-то она все-таки видит. И завтра, при встрече с ней, вы должны выглядеть как можно проще.

– Я увижусь с ней завтра?

– В одиннадцать часов, и, пожалуйста, не опаздывайте. Точность – ее пунктик.

Ели они молча. Паттерсон изредка поглядывал на Шейлу. Но бесстрастное лицо ничем не выдавало ее мысли. Они покончили с устрицами, пришедший официант забрал грязные тарелки. Паттерсон занервничал. А вдруг она фригидна? Но как-то не верилось. Наоборот, по всему выходило, что огня в ней хватало. Но она никак не реагировала на его обаяние. Он это чувствовал. Ее не трогала его улыбка. А ведь эта улыбка в прошлом позволила ему одержать немало побед. Официант тем временем принес рыбный пирог.

Вновь они молча принялись за еду.

– Действительно объеденье, – на этот раз первой заговорила Шейла.

– Я знал, что вам понравится. – Паттерсон подхватил вилкой кусочек пирога. – Я рассказывал ей о вас. Как я и ожидал, она очень оживилась, узнав, что вы – дочь Генри Олдхилла. Но потом добавила: «Она, должно быть, еще ребенок». Я возразил, что вам тридцать восемь, и упомянул о вашей травмированной руке. «Но почему столь юная особа хочет присматривать за такой старухой, как я?» – спросила она. Тут меня осенило. – Паттерсон улыбнулся, довольный собой. – Я сказал, что вы всегда восхищались ее игрой, ставили ее выше Майры Хесс и почитаете за честь помогать ей.

– Вы сказали правду, – заметила Шейла. – Действительно, я считаю за честь хоть чем-то помочь ей и вновь услышать, как она играет.

Паттерсон сосредоточенно разрезал хвост омара. Эта женщина озадачивала его. То ли она говорит серьезно, то ли подтрунивает над ним. Неужели она не понимает, что за все труды должна отблагодарить его в постели? Или действительно воображает, что по горло занятый заместитель управляющего банком взвалит на себя новую ношу и угостит ее дорогим обедом, ничего не ожидая взамен, за исключением слов благодарности?

– Да, ей это понравилось. – Омар просто таял во рту. – Итак, она хочет вас видеть. Кстати, она спросила, не нашел ли я кого-то еще, и я ответил, что такая женщина у меня есть, на случай, если она сочтет вас слишком молодой. – Он посмотрел на Шейлу, ожидая ее реакции, но та продолжала есть рыбный пирог, словно и не поняла, что ее строптивость может быть наказана. – Видите ли, мисс Олдхилл, дело это довольно тонкое. Мне нельзя терять доверие миссис Морели-Джонсон. Сами понимаете, банк не может разбрасываться такими клиентами. И я обязан подстраховаться запасным вариантом. Надо отметить, ваша соперница в большей степени соответствует требованиям миссис Морели-Джонсон. У нее обширный опыт, и ей пятьдесят пять лет. Миссис Морели-Джонсон встретится с ней в десять утра. С вами – в одиннадцать. Потом она примет решение.

Шейла кивнула:

– Конечно. – Этот холодный, сдержанный тон всегда так раздражал Хэммета. – Я понимаю.

Они доели пирог, и Паттерсон дернул шнур колокольчика, вызывая официанта.

– Десерты тут превосходные. Клубничный шербет...

– Мне только кофе, пожалуйста.

– Два кофе, – сказал Паттерсон официанту, пока тот убирал грязную посуду, потом вытащил из кармана тяжелый золотой портсигар, еще один подарок миссис Морели-Джонсон, и предложил Шейле сигарету.

Они закурили, официант накрыл стол для кофе и снова оставил их вдвоем.

– Мистер Паттерсон, что, по-вашему, мне следует сделать, чтобы выглядеть менее привлекательной?

Паттерсон изучающе посмотрел на нее.

– Изменить прическу. Никакой косметики. Наденьте что-нибудь темное. Юбка должна быть ниже колен. Никаких высоких каблуков.

– Вы, однако, специалист, – удивилась Шейла. – Я последую вашим указаниям.

Паттерсон достал из нагрудного кармана очки, строгие, с оправой прямоугольной формы, и положил их на стол.

– Я хочу, чтобы вы надели эти очки. Купил их после разговора с миссис Морели-Джонсон. В них обычные стекла. Разумеется, совсем не обязательно носить их постоянно, только в ее присутствии. Они полностью изменят ваш облик.

Официант принес кофе. Когда он ушел, Шейла надела очки, встала, подошла к настенному зеркалу. Вернулась к столу.

– Вы совершенно правы, мистер Паттерсон... очень дельное предложение, благодарю вас. Едва ли вы могли оказать мне большую услугу.

Паттерсон прижал указательный палец к ямочке на подбородке.

– Я просто хочу, чтобы вы получили это место. Я даже готов поспорить, что вы его получите, и в будущем мы будем часто видеться. Так что не пора ли нам отвыкать от мистера Паттерсона и мисс Олдхилл? Меня зовут Крис, Шейла.

– Конечно.

Неожиданно она улыбнулась, впервые за время их знакомства. И даже в очках показалась ему ослепительной.

– Ради бога, снимите эти очки... в них вы похожи на школьную мымру.

Шейла рассмеялась и сняла очки.

– Так лучше? – Она пододвинула к нему сахарницу. – Я пью без сахара.

– Я тоже. Значит, мы обо всем договорились. Вы придете в отель «Плаза-Бич» к одиннадцати утра. Скажете портю, что миссис Морели-Джонсон ждет вас, и назовете свою фамилию. Я его предупредил. Так что вас пропустят.

– Вы не упускаете ни одной мелочи, Крис.

– Стараюсь. – Паттерсон самодовольно улыбнулся. – О, ваше жалованье. Вашим казначеем буду я, поскольку веду все ее счета. Прежняя компаньонка получала сто долларов в неделю... разумеется, не считая жилья и питания. Вы будете жить в ее пентхаусе. У вас будет своя комната, с телевизором... со всем необходимым. Я предложил ей платить вам сто сорок долларов. Она согласилась. Вас это устроит?

– Спасибо. Такой щедрости я не ожидала.

Лицо Паттерсона вытянулось. Он-то рассчитывал на нечто большее, чем спасибо. В конце концов, сто сорок долларов в неделю, на всем готовом, – чертовски хорошее жалованье, а она восприняла его слова как должное. Ему-то пришлось потрудиться, чтобы старуха согласилась с такими условиями.

Они допили кофе. Возникла неловкая пауза, затем Шейла повернулась и выразительно посмотрела на плюшевое канапе. Паттерсон проследил за ее взглядом.

– Вас что-то заинтересовало? – как бы между прочим спросил он.

– Я просто подумала, что канапе иногда может оказаться весьма кстати. – Взгляд Шейлы остановился на нем. – Да еще задвижка на двери.

У Паттерсона гулко застучало сердце.

– Задвижка не нужна. – Голос его дрогнул. – После кофе сюда никто не зайдет.

Шейла не мигая смотрела на него. Ему стало не по себе.

– Вам это известно по собственному опыту?

Он натянуто улыбнулся:

– Можно сказать, да.

– Крис... – Шейла вдавила окуроч в пепельницу, на ее губах появилась легкая улыбка. – Я привыкла платить долги, но не так.

– Ну что вы! Как можно, Шейла... – Паттерсон изобразил возмущение. – Это ничего не значит... Никак не связано... Я не хочу, чтобы вы...

– Пожалуйста! – Шейла подняла руку. – К сексу я отношусь серьезно. Я думаю, это одна из тех немногих радостей, что Бог дал человеку. Но я не могу снять трусики, задрать платье до шеи и лечь на плюшевое канапе в кабинете дорогого ресторана, куда не заходят официанты после того, как подан кофе. Повторю, я всегда плачу долги. Давайте вернемся к этому после того, как я получу работу.

Пожалуй, впервые за свою сознательную жизнь Паттерсон не нашелся с ответом. Он также почувствовал, что краснеет, а на лбу его выступили капельки пота. Он, в общем-то, и не верил в легкую победу, но и не ожидал такой откровенности.

– О чем вы говорите, – забормотал он. – Откуда у вас такие мысли...

Шейла отодвинула кресло.

– Я позвоню вам, как только узнаю ответ.

Она встала, и Паттерсон теперь смотрел на нее снизу вверх.

– Вы уже хотите уйти?

– Мне пора. Перед сном я должна написать несколько писем, а время позднее.

Теперь у Паттерсона отпали последние сомнения в том, что встретил он женщину неординарную, перед которой его обаяние бессильно. Но желание обладать ею несколько от этого не уменьшилось. Правда, он понял, что решение будет принимать она. «Я всегда плачу долги».

«Терпение», – сказал он себе.

– Как вам будет угодно.

И он последовал за Шейлой к двери. Пока он подписывал чек, она вышла на улицу. Пару минут спустя Паттерсон присоединился к ней.

– Не знаю, как мне благодарить вас, Крис. Вы подарили мне такой приятный вечер и взяли на себя столько хлопот с...

– Будем надеяться, что наши усилия не пропадут даром. – В голове вертелись ее слова: «К сексу я отношусь серьезно. Я думаю, это одна из тех немногих радостей...» Похоже, она не отказывалась лечь с ним в постель.

Швейцар подогнал «уайлд кэт» к дверям ресторана. До отеля «Франклин» они доехали молча. Перед тем как выйти из машины, Шейла наклонилась к Паттерсону, коснулась губами его щеки. И умчалась, прежде чем тот успел обнять ее.

– Спокойной ночи, Крис... еще раз благодарю.

Каблучки застучали по ступеням, и она скрылась в вестибюле, где ее дожидался Хэммет.

2

На следующее утро Паттерсон, войдя в кабинет, тяжело вздохнул, увидев на столе две аккуратные стопки корреспонденции.

Он провел беспокойную ночь, думая о Шейле. Она высказалась ясно: «Я не могу снять трусики, задрать платье до шеи и лечь на плюшевое канапе». Ни одна из знакомых ему женщин никогда не сказала бы такое. Но с другой стороны, ее прямота вселяла надежду. Говорить так могла только женщина опытная, много повидавшая на своем веку. Ему не нравилось, что Шейла сразу раскусила его. От нее не укрылось, что ему более всего хочется уложить ее в постель. Неужели мысли его читались как открытая книга? И еще, весь вечер она полностью контролировала ситуацию, а он к такому не привык. Более того, это его раздражало. Откуда у нее такое непоколебимое спокойствие? Она нисколько не поддавалась его обаянию. Раньше такого не бывало. «Я всегда плачу долги».

То есть в удобное для нее время она ляжет с ним в постель... Другого это означать не может.

Паттерсон сел за стол, закурил.

И ночью, и утром, стоя под душем и бреясь, он спрашивал себя, почему эта женщина так взбудоражила его. Не красавица, даже милашкой не назовешь. Он не мог этого понять. И при этом был одержим ею. Даже от мысли о том, что она, голая, лежит рядом с ним в постели, Паттерсона обдавало жаром. Такого неистового желания испытывать ему не приходилось. Конечно, и раньше ему хотелось переспать с той или иной женщиной, но при этом он оставался самим собой, мог думать о чем-то еще. Была, значит, в Шейле какая-то изюминка, разбудившая в нем такую страсть. Происходящее с ним и пугало, и радовало Паттерсона. Что же это за изюминка, черт побери, думал он.

В кабинет вошла Вера Кросс, его секретарь, миловидная, изящно одетая женщина лет двадцати семи. Ее высокая грудь и стройные ноги скрашивали Паттерсону серость трудовых будней. Не раз и не два задумывался он, какова она в постели. Впрочем, такой вопрос возникал у него всякий раз, когда он видел симпатичную женщину. По всему чувствовалось, что с Верой в постели не соскучишься, но Паттерсон не шел дальше раздумий. Ни единым намеком ни разу не выдал он, что видит в Вере женщину, хотя не сомневался, что та не станет возражать, если он при случае ущипнет ее за попку. Но Паттерсон всегда помнил, чем кончились для двух-трех его коллег романы с секретаршами. Он же не страдал отсутствием честолубия. И надеялся стать вице-президентом, а то и президентом банка. А один неверный ход мог перечеркнуть все его устремления, поэтому они с Верой оставались только друзьями. Рук он никогда не распускал.

– Доброе утро, Крис. Сегодня много почты. – Вера закрыла за собой дверь. – Я ее рассортировала. В правой стопке срочные письма.

Она села, положив ногу на ногу, и открыла блокнот.

Подавив еще один тяжелый вздох, Паттерсон взялся за первое письмо и занимался почтой до 9:50. То и дело в его воображении возникали голубые, с поволокой, глаза, но усилием воли он сосредоточивался на работе. В десять часов начиналось утреннее совещание, обычно продолжавшееся сорок пять минут.

– У меня назначены какие-нибудь встречи, Вера? – спросил он, догадываясь об ответе.

– Каждые двадцать минут до перерыва на ланч, – весело ответила та. – Мистер Коэн придет в одиннадцать. Я отвела ему полчаса.

Паттерсон хлопнул себя по лбу:

– Но я же не просмотрел его акции.

Из-за Шейлы он забыл обо всем.

– Я догадалась об этом, – улыбнулась Вера. – И отнесла список в отдел инвестиций. Они предложили несколько вариантов. Я объяснила, что вы очень заняты другими делами. – И она протянула Паттерсону два листа бумаги.

– Не знаю, что бы я без вас делал. – Паттерсону действительно достался компетентный секретарь. – Премного благодарен.

Вера радостно улыбнулась:

– Я знала, что вы заняты поисками компаньонки для миссис Морели-Джонсон. Нашли что-нибудь подходящее?

– Думаю, да... Сегодня все выяснится. Спасибо, Вера.

И Паттерсон углубился в предложения отдела инвестиций.

На совещании, чисто формальном, не представляющем никакого интереса, Паттерсон то и дело поглядывал на часы. Миссис Морели-Джонсон в это время беседовала с миссис Флеминг. Беспокойство не покидало его. А вдруг старушка остановит свой выбор на более пожилой женщине, уже пятнадцать лет проработавшей компаньонкой? Он, со своей стороны, подчеркнул ее недостатки, а не достоинства. Указал на невысокую образованность, полное незнание и непонимание музыки. Намекнул, что с такой компаньонкой будет скучновато. И теперь надеялся, что его слова отложились в памяти миссис Морели-Джонсон.

Уже сидя в своем кабинете и обсуждая с Берни Коэном плюсы и минусы вкладывания денег в краткосрочные, с высоким процентом облигации, Паттерсон постоянно держал в поле зрения настольные часы. Десять минут двенадцатого. Шейла уже сидит в просторной, роскошно обставленной гостиной в пентхаусе отеля и беседует с миссис Морели-Джонсон. Его руки покрылись липким потом. А если дело не выгорит? Что тогда сделает Шейла? Она говорила, что уедет в Лос-Анджелес. Значит, исчезнет из его жизни? Такая перспектива его не радовала.

Наконец Паттерсон избавился от Берни Коэна, но тут же в его кабинет всплыла миссис ван Дэвис. У нее появились лишние деньги, которые она желала вложить в акции. В 11:40 они решили все вопросы, и Паттерсон проводил миссис ван Дэвис в приемную. Тепло распрощался с ней, и в этот момент Вера подозвала его к телефону:

– Миссис Морели-Джонсон.

– Я поговорю с ней из кабинета, – ответил Паттерсон и метнулся к своему столу. По пути плотно закрыл дверь, сел, закурил и лишь затем снял телефонную трубку.

– Это вы, Крис?

По телефону миссис Морели-Джонсон всегда говорила очень громко, очевидно полагая, что все ее собеседники глуховаты. Паттерсон чуть отстранил трубку от уха.

– Доброе утро, миссис Морели-Джонсон. Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Может, немного устала. – Она любила подчеркнуть, что уже не молода. – Я насчет этой девушки... Шейлы Олдхилл. Я поговорила с ней. Она показалась мне очень серьезной, Крис.

Паттерсон заерзал в кресле. Он постарался, чтобы голос его звучал как обычно:

– Я думаю, вы правы. У нее прекрасные рекомендации. Я их проверил. – (Ложь.) – Вам она понравилась?

– Очень. – Последовала долгая пауза. – Но она так молода!

Паттерсон сжал трубку с такой силой, что побелели ногти.

– Да... это точно. Поэтому я и колебался, посылать ли ее к вам... ее подготовка...

– Мне понравилась другая женщина. У этой девушки нет такого опыта.

«Провал!» – подумал Паттерсон.

– Я вас понял, миссис Морели-Джонсон. Значит, я могу предложить мисс Олдхилл поискать другую работу?

– Я этого не говорила! – выкрикнула миссис Морели-Джонсон, и Паттерсон торопливо отодвинул трубку еще дальше от уха. – Наоборот. Девушка заинтересовала меня. Я помню ее отца... прекрасный был музыкант. И она так мало о нем знает. Сказала мне, что он очень хотел сына. И почти не уделял внимания дочери... мужчины иногда ведут себя так глупо. Я хотела бы рассказать ей о ее отце. Вы слишком молоды, чтобы помнить его. А я часто играла с оркестром, в котором он был одним из ведущих исполнителей.

Паттерсон начал успокаиваться.

– Я уверен, она будет вам очень благодарна, миссис Морели-Джонсон.

– При чем тут благодарность? Детям необходимо знать как можно больше о родителях. Я решила взять ее с испытательным сроком.

– А как насчет миссис Флеминг? Предложить ей подождать?

– Нет, разумеется. Скажите ей, что место уже занято. Девушку я беру на три месяца. Мы уже договорились. Если я захочу сменить компаньонку, то вновь обращусь к вам за советом.

Паттерсон облегченно вздохнул:

– Очень мудрое решение. Трехмесячный испытательный срок покажет, подходит ли она вам.

– Да... я так и подумала. Я вам очень благодарна, Крис. Наверное, поиски компаньонки заняли у вас массу времени.

– Пустяки, – весело ответил Паттерсон. – Главное, чтобы вы были довольны. У меня лежит несколько документов, которые вам нужно подписать. Могу я заехать завтра в одиннадцать?

– Безусловно. – И миссис Морели-Джонсон захихикала, как девушка, назначившая свидание.

Паттерсон скорчил гримасу. Он вел счета старой леди четыре года, и эти смешки уже порядком поднадоели ему.

– Прекрасно, миссис Морели-Джонсон. Когда мисс Олдхилл приступает к работе?

– Она уже поехала за вещами.

Паттерсон нахмурился. Эта новость его не обрадовала. Как только Шейла устроится у старушки, остаться с ней наедине будет довольно затруднительно.

– Как я должен ей платить? Еженедельно или раз в месяц?

– У бедняжки нет ни гроша. Отец ничего не оставил ей. Все его деньги отошли дому для престарелых, где живут музыканты. Меня это удивило... но артисты склонны к эксцентричным поступкам... Должна признать, и я точно такая же. – Вновь она захихикала. – Я решила платить ей сама. Дала ей денег, чтобы она приоделась. Платье у нее совсем старое. Вы знаете, как относятся в этом отеле к внешнему виду. По пути ко мне она заглянет в магазины. Я не буду обременять вас, Крис, ее заботами. У вас и без того дел хватает.

Глаза Паттерсона сузились. Шейла, похоже, не теряла времени даром. И полностью вышла из-под его контроля. Он не сомневался, что это она уговорила старушку изменить устоявшийся порядок. В последние четыре года с компаньонкой всегда расплачивался он.

– Для меня это не проблема, – ответил он. – Так я с нетерпением жду нашей завтрашней встречи, миссис Морели-Джонсон. Вам ничего не нужно привезти?

– Хорошо, что вы мне напомнили. – Она помолчала. – Захватите с собой, пожалуйста, пять тысяч долларов наличными.

Паттерсон не верил своим ушам. Наклонился вперед, упершись локтями в стол, крепче сжал трубку.

– Вы сказали, пять тысяч, миссис Морели-Джонсон?

– Да, пожалуйста. Я хочу иметь под рукой больше денег. Не люблю расплачиваться чеком.

– Обязательно привезу.

Еще несколько минут ему пришлось слушать щебетание старушки, пока наконец она не положила трубку. А Паттерсон задумчиво уставился в полированную поверхность стола.

Такое развитие событий ему не нравилось. Зона его влияния резко сократилась. Как это Шейле удалось убедить старушку, чтобы та платила ей непосредственно, а не через банк? А может, он преувеличивает и старушка додумалась до этого сама? И еще дала Шейле денег, чтобы та приоделась. Неужели и к этой мысли пришла самостоятельно или ей подсказала Шейла? Он прижал указательный палец к ямочке на подбородке. А теперь миссис Морели-Джонсон просит привезти ей пять тысяч наличными! Вновь ему стало не по себе. Раньше она никогда не просила денег. Последние четыре года он полностью контролировал ее дела. Платил налоги, вкладывал деньги в акции и ценные бумаги, вел все расчеты: с отелем, шофером, магазинами, компаньонкой...

«Я решила платить ей сама. Не буду обременять вас ее заботами».

Определенно, ему не нравилось столь внезапное изменение в поведении старой леди. И похоже, Шейла приложила к этому руку.

Размышляя об этом, он закурил очередную сигарету. Увидел перед собой бесстрастное, спокойное лицо, голубые глаза, словно подернутые дымкой, твердо очерченный рот. Услышал ровный голос: «Я всегда плачу долги». Пожалуй, решил он, тревожиться не о чем. Все это ни на чем не основанные фантазии. Старушка действительно немного эксцентрична. Подумаешь, она заплатила Шейле сама. Что в этом особенного? Главное в другом – Шейла заплатит свой долг.

В кабинет заглянула Вера:

– Мистер Лессинг ждет.

Паттерсон вдавил окурок в пепельницу.

– Пусть заходит.

С усилием он заставил себя забыть о Шейле и переключился на текущие дела.

Джек Бромхед последние пять лет служил шофером у миссис Морели-Джонсон. Старушка немного побаивалась его, но и гордилась тем, что у нее такой шофер. Пятидесяти пяти лет от роду, высокий, стройный, благородной наружности, с густыми, отливающими серебром волосами. Когда-то миссис Морели-Джонсон побывала в Кентербери, в Англии, и увидела епископа, идущего по главной улице. Кроткое выражение его лица, достоинство, с которым он держался, белоснежные волосы произвели на нее неизгладимое впечатление. Те же чувства возникли у нее, когда агентство по найму прислало ей Бромхеда. Ее прежний шофер внешне ничем не выделялся, изрядно ей надоел и искренне полагал, что «кадиллак» – единственный достойный уважения автомобиль.

Бромхед представил безупречные рекомендации. Он недавно прибыл в Америку, англичанин. Сказал ей, что был шофером герцога Сассекского². Его уверенность в себе, рекомендательное письмо от герцога, импозантная внешность – все это вместе создавало неотразимое впечатление.

Бромхед спокойным, хорошо поставленным голосом пояснил миссис Морели-Джонсон, что привык водить «роллс-ройс». И если она предпочитает «кадиллак» – тут последовала долгая пауза, – то он, к сожалению, отправится искать работу в другом месте.

Глядя на этого высокого, представительного мужчину, миссис Морели-Джонсон думала о том, как будут завидовать ей подруги, если у нее появится такой шофер. Ранее покупать «роллс-ройс» она не собиралась. В ее кругу обходились «кадиллаками» и «мерседесами». Но теперь идея ей понравилась. И она велела Бромхеду купить для нее «роллс». Тот важно кивнул, чем несколько разочаровал миссис Морели-Джонсон, которая рассчитывала на более бурное

² Такого титула в Великобритании не существует с 1843 года.

выражение благодарности. А Бромхед добавил, что униформу он хотел бы заказать в лондонской фирме, у портных герцога Эдинбургского. Он полагал, что американские портные еще не достигли того уровня, к которому он привык. И тут миссис Морели-Джонсон не стала возражать. И даже когда пришел счет более чем на тысячу долларов, она заплатила не моргнув глазом. Еще бы, такому шоферу требовалась и соответствующая одежда.

Все ее затраты окупились в первый же день, когда к отелю «Плаза-Бич» подкатил темно-красный «роллс-ройс», за рулем которого в серой, с черным кантом униформе и фуражке с кокардой восседал Бромхед. Даже у швейцара, а уж он-то повидал всякого, от изумления отвисла челюсть.

А первого декабря каждого следующего года Бромхед вежливо, но твердо предлагал поменять «роллс» на новую модель. И миссис Морели-Джонсон тут же соглашалась.

Бромхед появился у миссис Морели-Джонсон за год до того, как Крис Паттерсон начал вести все ее дела. В этом Бромхеду крупно повезло. Паттерсон, если бы он нанимал для старушки шофера, наверняка проверил бы рекомендательное письмо и без труда выяснил, что герцога Сассекского в природе не существует, а письмо всего лишь подделка.

Из своих пятидесяти пяти лет десять Джек Бромхед провел в тюрьме за подделку документов. Английская полиция считала его одним из лучших специалистов. Подделывать он мог не только документы, но и деньги, поскольку был первоклассным гравером. Но после десяти лет за решеткой Бромхед пришел к выводу, что надо менять профессию. Захотелось спокойной жизни, но не в бедности, а с комфортом. И он решил отправиться в Америку. Машину он водил мастерски и справедливо полагал, что его импозантная внешность, английский акцент и умение подать себя произведут впечатление на богатых американцев.

Прибыв на Тихоокеанское побережье (деньги на дорогу он выручил, продав свои гравировальные инструменты одному из коллег по этой рискованной профессии), Бромхед обратился в одно из ведущих агентств по найму.

Задачу он сформулировал четко: стать шофером у богатой пожилой женщины. И аккуратно в тот же день миссис Морели-Джонсон обратилась в агентство с просьбой подобрать ей шофера.

Бромхед зарабатывал на подделках до тридцати тысяч фунтов стерлингов в год. Но райская жизнь продолжалась менее трех лет, после чего потекли серые будни в местах не столь отдаленных. За три года Бромхед привык к роскоши, и десять лет тюрьмы дались ему очень нелегко. Поэтому, выйдя на свободу, он дал зарок обеспечить себе старость, не вступая в конфликт с законом. Еще одного тюремного заключения он бы не выдержал.

Рассуждал он весьма логично: дайте мне богатую старушку, дайте мне время, а уж там-то я сам позабочусь о том, чтобы ни в чем не нуждаться до конца дней.

Бромхед постоянно помнил о том, что любой неверный шаг может привлечь к нему внимание полиции, и тогда жди неприятностей. А в пятьдесят пять лет он мог позволить себе не спешить. Да и в шоферах у миссис Морели-Джонсон жилось ему очень неплохо. У него была хорошая комната с душем и телевизором на этаже, отведенном для шоферов богатых постояльцев отеля «Плаза-Бич». Причем среди них только он сидел за рулем «роллс-ройса», вызывая зависть остальных. Он получал сто долларов в неделю плюс полное обеспечение. Миссис Морели-Джонсон не перегружала его работой. Практически ежедневно, в одиннадцать утра, она ездила за покупками. Бромхед относил свертки и коробки в машину, а затем, по возвращении в отель, в квартиру миссис Морели-Джонсон. Днем она выезжала редко, вечером – никогда, предпочитая играть на рояле да принимать гостей. Любила она и посидеть на солнышке, слушая пластинки с записями классической музыки.

Так что свободного времени Бромхеду хватало. Часть он тратил на письма, которые рассылал кинозвездам, писателям и другим знаменитостям с просьбой об автографе. Обычно он получал требуемое и тренировал руку, подделывая их подписи. В итоге ему не составило бы

труда расписаться на банковском чеке за любого из них, возникни такая необходимость. Он, однако, не решался пойти на такой риск. И подделывал подписи лишь для того, чтобы не терять форму.

Впервые приехав в «Плаза-Бич», он ничего не знал о миссис Морели-Джонсон, кроме того, что она богата. И решил выяснить, сколько же у нее денег. Купил дорогое подслушивающее устройство с миниатюрными микрофонами, которые установил в гостиной миссис Морели-Джонсон, в спальне и на террасе.

Микрофоны эти, размером с виноградную косточку, оказались достаточно мощными, чтобы передавать все, что говорилось в квартире, на магнитофон в комнате Бромхеда.

Для себя он решил, что операция рассчитана на долгий срок и торопиться ни к чему. Прошел год, а он не узнал ничего интересного, если не считать того, что миссис Морели-Джонсон предпочитает общество молодых мужчин, гораздо моложе, чем он. Только с появлением Криса Паттерсона на магнитофонной пленке начала появляться нужная Бронхеду информация.

Удобно устроившись в кресле, он вслушивался в голос Криса Паттерсона, в подробностях излагающего финансовое положение миссис Морели-Джонсон. На колене Бромхеда лежал открытый блокнот, в котором он записывал наиболее важные детали. Помимо драгоценностей, «роллс-ройса», мехов, земельных участков, у миссис Морели-Джонсон было примерно пять миллионов долларов. И потом, просматривая записи, Бромхед понял, что нашел Эльдorado и может извлечь для себя немалую выгоду, разумеется, при условии, что он четко разыграет свою партию.

Прошел еще год. Такой же, как и предыдущий, что вполне устраивало Бромхеда. Его влияние на старушку, пожалуй, даже возросло. Она практически не докучала ему. Но все ее причуды неукоснительно выполнялись. Бромхед работал ради будущего. Однако с течением времени он начал замечать, что Паттерсон все более и более завладевает вниманием старушки. Его это не удивило. Он знал, что она равнодушна к молодым и красивым. Видел, как она реагировала на молодых продавцов, обслуживающих ее в магазинах, как она частенько сидела на террасе, до того, как катаракта практически полностью лишила ее зрения, и в бинокль разглядывала молодых мужчин, разгуливающих по набережной. Так что успех Паттерсона представлялся ему вполне естественным.

А в одно утро она попросила Бромхеда съездить за ее адвокатом.

– Я хочу, чтобы вы привезли сюда мистера Уэйдмана, Бромхед, а после того, как мы закончим наш деловой разговор, доставили его обратно в контору. Поездка на «роллсе» ему понравится.

– Разумеется, мадам, – кивнул Бромхед.

Деловой разговор...

Перед тем как отправиться за Уэйдманом, Бромхед установил на магнитофон большую бобину с пленкой и поставил таймер на одиннадцать часов, ожидаемое время прибытия адвоката. И спокойно сидел за рулем «роллса», зная, что каждое слово, сказанное в гостиной, окажется на пленке. Когда Уэйдман спустился вниз, Бромхед отвез его в контору. Потом вернулся, поднялся к себе, сделал сэндвич с ветчиной, открыл банку пива, прокрутил пленку назад и приготовился слушать.

Миссис Морели-Джонсон оставляла два миллиона долларов Фонду по борьбе с раком. Еще два миллиона плюс участок под застройку в тысячу акров – Оксфаму³. Миллион – Обществу слепых. Картины она наказывала продать, и выручка, наверное не меньше двух миллионов, отходила ЮНИСЕФ⁴.

³ Оксфам (*Oxfam*) – международное объединение из 17 организаций, работающих в более чем 90 странах по всему миру. Основана в британском городе Оксфорде в 1942 году как Оксфордский комитет помощи голодающим.

⁴ Детский фонд под эгидой ООН.

Далее следовали мелочи. Сто тысяч долларов ежегодно Кристоферу Паттерсону до конца его жизни за постоянные теплоту и внимание. Пятнадцать тысяч долларов ежегодно и «роллс-ройс» Джеку Бромхеду. Двадцать тысяч долларов ежегодно мисс Мей Лоусон, ее компаньонке.

В разговоре наступила пауза, затем послышался голос адвоката:

– А как насчет вашего племянника, Джеральда Хэммета? Вы что-нибудь оставляете ему?

– Джеральду? – воскликнула миссис Морели-Джонсон. – Разумеется, нет. Паршивый мальчишка. От меня он ничего не получит.

Они продолжали о чем-то разговаривать, но это было уже не важно. Бромхед откинулся на спинку стула и еще раз просмотрел записи в блокноте.

Пятнадцать тысяч долларов в год плюс «роллс-ройс». Он-то рассчитывал на большее. Это надо изменить... Как – он пока не знал.

Ее племянник, Джеральд Хэммет. Кто он такой? Оказывается, у миссис Морели-Джонсон есть родственник.

Поразмыслив немного, он стер пленку и убрал блокнот. Еще есть время, напомнил он себе. Племянник его заинтересовал. Следовало навести справки. Родственник мог опротестовать завещание... с подобными документами всякое возможно, тут необходима осмотрительность. Неверный шаг, и полиция тут как тут. От этой мысли Бромхеда даже передернуло.

Тут он вспомнил о Солли Марксе. Его сосед по камере говорил: если тебе что-то понадобится на Тихоокеанском побережье, обращай к Солли Марксу, не прогадаешь. Тот жил в Лос-Анджелесе, в нескольких сотнях миль от городка, где обосновался Бромхед. Солли, юрист по профессии, вел сомнительные судебные процессы, торговал земельными участками, ссужал деньги под немалые проценты и знал многое из того, что не попадало в газеты.

После некоторого колебания Бромхед решил позвонить Марксу. Нашел его телефон в справочнике, набрал нужный номер. Солли сначала держался настороженно, но растаял, едва Бромхед упомянул фамилию сокамерника.

– Я к вам подъеду. Не стоит обсуждать наши дела по телефону. Назовите место, и я там буду.

– Снимите номер в отеле «Франклин», – ответил Бромхед. – Встретимся там завтра в шесть вечера.

Когда Бромхед пришел во «Франклин», Солли Маркс поджидал его в вестибюле. Внешность его поразила Бромхеда: более всего Солли напоминал раздутую жабу – низкорослый, почти квадратный из-за непомерно широких плеч, с круглой, похожей на шарик для пинг-понга головой, с венчиком рыжеватых волос. Утопая в жирных щеках, бисеринками блестели маленькие черные глазки, хитрые, ничего не упускающие из виду.

Несколько минут спустя Бромхед понял, что именно такой человек ему и нужен.

– Я не буду говорить вам, в чем причина, но мне нужно следующее: полная информация о миссис Морели-Джонсон, проживающей в отеле «Плаза-Бич». То же самое касательно Кристофера Паттерсона, заместителя управляющего «Пасифик трейдерс банк». Я хочу знать все подробности о нем, особенно о его отношениях с женщинами. И еще, нужно выяснить как можно больше о Джеральде Хэммете, племяннике миссис Морели-Джонсон. Вы сможете это сделать?

Маркс положил маленькую, с толстыми, как сардельки, пальцами руку на колено сидящего рядом Бромхеда.

– Я могу все, что угодно, за соответствующую цену. Как я понимаю, сейчас вы недостаточно кредитоспособны, но у вас, скажем так, хорошие перспективы?

Бромхед всмотрелся в черные глазки:

– У меня хорошие перспективы.

Маркс допил свой напиток.

– Тогда никаких проблем. Требуемую информацию вы получите. Могу я узнать, что у вас за перспективы?

Бромхед позволил себе улыбнуться:

– Я коллекционирую автографы. Детская, разумеется, забава, но что-то в этом есть. – Он достал из кармана блокнот и протянул Марксу. – Распишитесь, пожалуйста.

Маркс воззрился на него, уголки крошечного ротика шевельнулись, раздвигая жирные щеки, – это можно было принять за улыбку. Взяв блокнот, он достал ручку и нацарапал подпись: невообразимую вязь зигзагов.

Бромхед изучал подпись несколько минут.

– Не просто, – пробормотал он, перевернул страницу, попросил у Маркса ручку и воспроизвел его подпись. Вырвал из блокнота обе страницы, потасовал их, передал Марксу. – Какая из подписей ваша?

Маркс долго смотрел на две идентичные подписи, затем порвал оба листка на мелкие клочки и кивнул Бромхеду:

– Убедительно. Очень хорошо, друг мой. Вы получаете неограниченный кредит.

– Меня это устраивает, – отозвался Бромхед. – Во сколько обойдется нужная мне информация?

– Десять тысяч долларов.

Бромхед покачал головой:

– Нет... пять тысяч. Она стоит ровно пять тысяч.

Маркс наклонился к нему:

– У миссис Морели-Джонсон пять миллионов. Не экономьте по мелочам, друг мой... десять тысяч, или мы расходимся.

– Восемь, – предпринял последнюю попытку Бромхед, уже не надеясь на успех.

Маркс хохотнул:

– Я сказал, десять... Я свяжусь с вами сам.

Он слез с высокого стула у стойки бара и, переваливаясь, заковылял к лифту.

Бромхед проводил его взглядом. Похоже, он не ошибся в выборе.

Досье, которые неделю спустя передал Бромхеду Маркс, содержали именно те сведения, которые интересовали заказчика.

Перед тем как расстаться с досье, Маркс попросил расписку на десять тысяч долларов. Бромхед не сомневался в успехе своего плана и твердо знал, что рано или поздно сможет выплатить Марксу причитающуюся ему сумму. Не смутили его и двадцать пять процентов годовых, которые брал Маркс.

– Если вам понадобится что-либо еще, вы знаете, как меня найти. – Маркс убрал расписку в бумажник. – Я всегда к вашим услугам.

Еще бы, подумал Бромхед, при таком-то проценте. Но не мог не признать, что получил требуемое, а хорошая работа, и это тоже не составляло для него тайны, требовала и соответствующей оплаты.

Изучать досье он начал с информации по Джеральду Хэммету, поскольку тот, на правах единственного родственника, при случае мог оспорить завещание миссис Морели-Джонсон.

Джеральд, как он выяснил, был единственным сыном Лоусона Хэммета, брата миссис Морели-Джонсон, который весьма успешно занимался проектированием и строительством шахт, пока не погиб в одной из них восемь лет назад. Жена Лоусона в свое время сбежала с его лучшим другом, и при разводе суд оставил мальчика на попечении отца. С сыном у Лоусона не заладилось. Он не смог найти подход к этому бездельнику, к тому же со скверным характером. Окончив частную школу, Джеральд не вернулся домой, а исчез в неизвестном направлении. Его отец облегченно вздохнул и не шевельнул даже пальцем, чтобы найти юношу.

В тот день, когда Джеральду стукнуло двадцать два (к тому времени он уже знал: не попросишь – не получишь), он навестил свою тетушку, миссис Морели-Джонсон, в отеле «Плаза-Бич», напомнил, что он ее единственный племянник, и поинтересовался, что она может для него сделать.

Обратись Джеральд к ней тактично, вежливо, она, скорее всего, помогла бы ему, но он не желал тратить время на богатых старух, и его наглая просьба о деньгах шокировала тетушку.

Детектив Маркса нашел свидетеля этой встречи. Швейцар «Плаза-Бич» помнил, как это произошло, хотя минуло уже пять лет, и за десять долларов согласился поделиться подробностями. Джеральд явился в отель грязный, оборванный, бородатый, как раз в тот момент, когда миссис Морели-Джонсон собралась за покупками. Для смелости он выкурил сигаретку с «травкой» и пребывал в воинственном настроении. Загородил тетушке дорогу в вестибюле отеля и громким голосом высказал свои требования. Старая леди чуть сквозь землю не провалилась от стыда. Она же понимала, что все ее так называемые друзья наблюдают за этой безобразной сценой. Не зная, что предпринять, она беспомощно взглянула на швейцара, мимо которого каким-то образом сумел прошмыгнуть Джеральд.

Швейцар, помня о многочисленных подачках, получаемых от миссис Морели-Джонсон, схватил Джеральда за шиворот и грубо вышвырнул из отеля. Но тот успел прокричать: «Ладно, старая глупая корова... Раз не хочешь меня знать, пеняй на себя!»

Инцидент этот попортил миссис Морели-Джонсон немало крови. И если бы не ее пять миллионов долларов, управляющий самым роскошным отелем города попросил бы ее куда-нибудь переехать.

Как следовало из досье, Джеральд Хэммет отправился в Лос-Анджелес. Присоединился к каким-то хиппи, прокантовался с ними три года, затем занялся торговлей наркотиками. Три месяца спустя его накрыла полиция. Отец его уже умер, так что за помощью он мог обратиться только к миссис Морели-Джонсон. К ней поехал детектив, чтобы спросить, готова ли она принять участие в судьбе Джеральда. Как на грех, детективом оказался симпатичный негр. Миссис Морели-Джонсон родилась и выросла в Джорджии и на дух не переносила чернокожих. Появление в ее пентхаусе детектива-негра вкупе с воспоминаниями о последней встрече с несносным племянником переполнили чашу ее терпения. Она отослала детектива взмахом руки, не сказав ему ни слова.

Джеральд провел в тюрьме два года. Достаточное время, чтобы поразмышлять и прийти к выводу, что с детства его обрекли на тяжелую жизнь, весь мир у него в долгу, а платить по счетам должна миссис Морели-Джонсон. Такой вывод, разумеется, сделал детектив Маркса, но и Бромхед не стал бы его оспаривать. На месте Джеральда он бы чувствовал то же самое. Освободившись, Джеральд переехал в Нью-Йорк и вновь связался с хиппи. Наркотики, правда, он теперь обходил стороной. Знал, что на крючке у полиции, и следующий арест обернется куда более долгим сроком.

В этот период, живя словно в вакууме, Джеральд встретил Веду Рэйсон. Молодую, симпатичную, готовую выполнить любое желание Хэммета и, что самое главное, имеющую приличное ежемесячное содержание, которое назначил ей отец за то, что она будет жить отдельно. Джеральда она поселила у себя в двухкомнатной квартире, оплачивала все его счета и вообще всячески ублажала. За четыре месяца такой жизни Джеральд помягчел.

Ему нравилось подниматься с постели не раньше одиннадцати. Веда или готовила сама, или вела его в ресторан. Она же покупала ему одежду. И в постели ей не было равных. Можно ли желать лучшего? – спрашивал он себя.

Но однажды утром, проснувшись, Джеральд перевернул Веду на спину, и та сдавленно вскрикнула от боли, что напугало его. Началась суматоха: он позвонил, приехала «скорая помощь», два пьяных санитаров тащили Веду на носилках по винтовой лестнице, а он, с нарастающей паникой в душе, следовал за ними, давая бесполезные советы.

В больнице медицинская сестра сказала ему, что надежды нет. Детектив Маркса не успел выяснить все подробности, но по всему выходило, что весь последний год Веда была больна раком. Он узнал об этом от регистраторши.

А Джеральда ввела в курс дела Шейла Олдхилл, недостойная, по мнению регистраторши, места медицинской сестры.

– Шлюхой бы ей работать, – ворчала регистраторша. – Я о ней все знаю. Стоит мужчине посмотреть на нее, как она готова задрать юбку и плюхнуться на спину.

Детектив вздохнул, подумав, что всегда мечтал о такой женщине, но регистраторше ничего не сказал.

Веда умерла через тридцать восемь часов после поступления в больницу. Это печальное известие Джеральд услышал от той же Шейлы Олдхилл. Ему, конечно, взгрустнулось. Кто будет теперь платить за квартиру, кормить, одевать его?

– Я наблюдала за ними, – доложила детективу регистраторша. – Ужасное зрелище. Как же она смотрела на него... Описать это можно только одним словом. Вы понимаете, произнести его я не могу. И что она нашла в этом грязном волосатом парне?

Детектив, толстяк средних лет, смотрел, слушал и все мотал на ус.

Далее он узнал, что Шейла Олдхилл и Джеральд поселились вместе, тоже в двухкомнатной квартире. Шейла продолжала работать в больнице, на ее деньги они и жили. Джеральд целыми днями слушал музыку, ходил в кино, дожидаясь возвращения Шейлы. В последних строчках отчета указывалось, что они по-прежнему в Нью-Йорке: Шейла работает, Джеральд – у нее на содержании.

Все это заинтересовало Бромхеда. Но прежде чем принять решение, он позвонил Марксу и попросил подобрать материалы по Шейле Олдхилл. Две недели спустя он получил еще одно досье в обмен на расписку в две тысячи долларов. Прочтя его, Бромхед убедился, что и эти деньги потрачены не зря.

Он узнал, что отец Шейлы играл первую скрипку в Нью-Йоркском филармоническом оркестре, а из досье миссис Морели-Джонсон следовало, что она, под псевдонимом Алис Лессон, не раз выступала с этим оркестром.

Досье Криса Паттерсона показало, что тот весьма равнодушен к женщинам и романам его несть числа. Отмечалась осторожность Паттерсона – женщины эти жили в других городах, и встречался он с ними на чужой территории, чтобы избежать сплетен. И постепенно в голове Бромхеда начал формироваться план, осуществление которого сулило ему безбедное будущее.

Прежде всего он решил повидаться с Джеральдом и Шейлой Олдхилл. Встреча эта стала особенно насущной в связи с тем, что миссис Морели-Джонсон осталась без компаньонки. Старушка ждала вердикта врачей. Ее прежнюю компаньонку, которая прожила с ней пятнадцать лет, забрали в больницу. Миссис Морели-Джонсон терпеть не могла что-то менять в устоявшемся образе жизни и предпочла ждать выздоровления старой компаньонки, а не искать новую. Бромхед же не сомневался, что дни компаньонки сочтены, и перешел к активным действиям.

Он написал Джеральду на бланке отеля «Плаза-Бич», сообщив, что собирается в Нью-Йорк по срочному делу и просит встретить его в аэропорту. Затем попросил миссис Морели-Джонсон отпустить его на уик-энд, чтобы он мог провести пару дней с приезжающим в Нью-Йорк братом (несуществующим). Старушка не только отпустила его, но и оплатила авиабилеты туда и обратно.

Прежде чем вылететь в Нью-Йорк, Бромхед позвонил Солли Марксу, чтобы занять у того тысячу долларов. Деньги он получил без задержки, поскольку Маркс уже не сомневался, что Бромхед задумал крупное дело. Маркс, как и Бромхед, постоянно помнил о пяти миллионах миссис Морели-Джонсон. Но не хотел знать никаких деталей, чтобы не подставляться. Серьезный настрой Бромхеда служил гарантией его интересов. Урожай он намеревался снимать после

завершения операции. Пока он лишь ссужал Бромхеда деньгами, полиция не могла поставить ему в вину соучастие, и это вполне его устраивало.

Джеральд Хэммет разочаровал Бромхеда, но он достаточно пожил на этом свете, чтобы знать, что хороший мастер должен уметь работать теми орудиями, которые оказались под рукой. Джеральд сразу оживился, узнав, что перед ним шофер миссис Морели-Джонсон. Бромхед в общих чертах обрисовал свой план, спросил, можно ли рассчитывать на помощь Шейлы Олджилл.

Джеральд заверил его, что Шейла не откажется.

Бромхед предложил обсудить все втроем, они сели в «фольксваген», купленный Джеральду Шейлой, и поехали в двухкомнатную квартиру, где обитала парочка. Если Шейла шлюха, как говорила регистраторша, она как нельзя лучше подходит для его плана, думал Бромхед. Поглядывая на Джеральда, Бромхед решил, что такой молодой парень не стал бы жить с женщиной много старше себя, если бы она не была чертовски хороша в постели.

Шейла оправдала все его надежды. Сам он женщинами уже не интересовался, не позволял возраст, но не мог не оценить ее чувственность, внешнюю невозмутимость и способность к действию. С такой женщиной, решил Бромхед, можно не опасаться неудачи.

Изложив свой план, Бромхед предупредил, что его реализация может начаться лишь со смертью нынешней компаньонки миссис Морели-Джонсон или в том случае, если она не сможет выполнять свои обязанности. Его немного тревожил Джеральд, усевшийся в стороне от них, явно чем-то недовольный. Когда он порывался что-то сказать, Шейла останавливала его взмахом руки, и он умолкал, бормоча под нос ругательства.

Закончив, Бромхед в упор посмотрел на Шейлу:

– Так что вы скажете?

– Стоит попробовать, – ответила та.

– Это игра. Можно выиграть, а можно проиграть. Я хочу, чтобы вы оба поняли: операция рассчитана на длительный срок, но куш стоит того.

Джеральд встрепенулся:

– Что значит длительный?

Бромхед повернулся к нему:

– Нам придется подождать смерти старой леди. – И, помолчав, добавил: – Но никто не живет вечно.

3

Джеральд Хэммет сидел в своем обшарпанном номере в отеле «Франклин». Дверь он оставил приоткрытой, чтобы не пропустить появления Шейлы. Она ушла без четверти одиннадцать и, по его прикидкам, должна была вернуться в половине первого. В час дня он спустился в бар, купил сэндвич с ветчиной и кружку пива. Сидя у стойки, он мог видеть входную дверь отеля. В половине второго Джеральд поднялся в номер. На душе у него становилось все тревожнее. Что случилось с Шейлой? Она ключевая фигура всей затеи, не заладится у нее – не будет и денег. А если ее сбила машина? Тут до него наконец дошло, что его роль, пусть и немаловажная для реализации задуманного Бромхедом, на начальной стадии равна нулю.

Шейла и Бромхед понимают друг друга с полуслова, раздраженно думал он. А к нему относятся, как две кинозвезды к участнику массовой.

К четырем часам он разве что не лез на стену, и тут в коридоре показалась Шейла, нагруженная коробками и пакетами. Джеральд чуть не озверел. Он не находит себе места, а она шляется по магазинам!

Подождав, пока она откроет дверь, он вышел в коридор, посмотрел направо-налево, убедился, что никто их не видит, и вслед за Шейлой вошел в номер.

– Что случилось? – спросил он, закрыв за собой дверь.

– Не следует тебе заходить ко мне, Джерри. – Она положила коробки на кровать. – Слишком рискованно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.